

В мгновение ока мир вокруг преобразился. Тьма и мертвенно-белый свет сменяли друг друга, пока все не затопило багровое зарево. Огненные потоки хлынули в трещины на полу и стенах, уподобляясь дремлющей под землей лаве.

Что-то неистово рвалось наружу сквозь бушующее пламя, отчего подземная палата содрогалась от оглушительного рокота. Казалось, пещера вот-вот рухнет. Е Хуай попытался подняться, но земля уходила из-под ног, и ему пришлось распластаться по грязному полу.

Цзян Ту стоял непоколебимо. Рука, сжимавшая рукоять клинка, не дрогнула, будто он шел по ровной дороге. Казалось, сам хаос трепетал перед ним: даже неистовствовавший вихрь не мог растрепать его длинные серебристо-белые волосы. Лишь висевшая на поясе угольно-черная нефритовая подвеска окрасилась в багровые тона.

Его стиль был на редкость прост, даже аскетичен. Никакой вычурности и лишних движений, свойственных великим орденам, чьи адепты крутили замысловатые пируэты под взмахи широких рукавов. Цзян Ту лишь слегка повернул запястье, посылая костяной меч вперед. На первый взгляд — ничего примечательного.

Но в следующий миг грянул гром, укрощая бушующие воды. Клинок устремился вперед, подобно стремительному облаку, и рассек саму пустоту.

Е Хуай ошеломленно распахнул глаза. Удар потряс его до глубины души — сокрушительный, словно мифический левиафан, выпивающий океан до дна. Жуткие призрачные звери исчезли, весь мир для юноши сузился до этого безупречного, сокрушительного взмаха.

Багровое пламя взметнулось к сводам пещеры. Сжигаемые у самого основания призрачные когти с грохотом валились на землю и мгновенно обращались в пепел.

В конце концов буйство красок утихло, стянувшись в одну точку. Словно порыв горного ветра, остатки энергии устремились к беловолосому заклинателю. Цзян Ту с сухим щелчком вернул меч в ножны.

Вихрь улегся. Подземелье вновь погрузилось в безмолвие, нарушаемое лишь тихим шкворчанием догорающих призрачных когтей. Позади раздались робкие, но по-детски порывистые шаги.

Цзян Ту обернулся. В глазах Е Хуая читалось безграничное, благоговейное обожание. Он напоминал преданного щенка, готового крутиться у ног хозяина и вилять хвостом — от бывлой настороженности не осталось и следа.

Наклонившись, Цзян Ту бесцеремонно схватил мальчишку за подбородок. Вздвогнув от неожиданности, Е Хуай даже не подумал отстраниться и послушно позволил задрать себе голову.

Левая щека юноши сильно распухла и пошла багрово-синими пятнами — следствие недавнего падения, когда удар призрачного зверя швырнул его лицом на камни. Но даже с такой жуткой ссадиной Е Хуай умудрялся глупо и счастливо улыбаться.

— Спаситель, вы невероятны! — затараторил он. — Я во все глаза смотрел на ваш удар, как вы и велели. Все разглядел, да только никак не пойму, откуда в нем столько сокрушительной силы? Научите меня, прошу вас!

Цзян Ту лишь безмолвно вздохнул. Сомкнув указательный и средний пальцы, он прижал их к сонной артерии мальчишки. Тот слегка прищурился, но замолчать и не подумал, продолжая восторженно шептать:

— Спаситель... О, господин...

Пульс под пальцами бился ровно и сильно — юный организм быстро справлялся с потрясениями. Сгусток крови, который Е Хуай выплюнул минутой ранее, оказался сущим пустяком. Единственное, что вызывало вопросы — это его чрезмерное возбуждение.

Цзян Ту убрал руку.

«До чего же живучий малый».

Мысль о том, чтобы уложить мальчишку обратно и насильно подлечить, улетучилась. Окружавшие их заросли цветов туми растаяли, обратившись в мириады светящихся искр, которые тут же впитались в кожу Цзян Ту.

Глаза Е Хуая вспыхнули с новой силой:

— Господин, так это вы исцелили мои раны! Вы поделились со мной своей силой, но при этом с легкостью одолели такого призрачного зверя...

— Помолчи, — наконец вымолвил Цзян Ту.

Юноша послушно прикусил язык. Его янтарные глаза сияли так ярко, словно направленные на Цзян Ту лучи прожектора.

Седовласый Цзян Ту лишился былой суровости, но взамен обрел неземное, чарующее величие, присущее то ли высшим духам, то ли небожителям.

«Невероятно красив, — подумалось Е Хуаю. — Пожалуй, вечные снега на вершинах Куньлуня столь же чисты и священны. От них невозможно отвести взгляд».

В следующее мгновение белизна его волос растаяла, уступая место глубокому угольному оттенку, словно в чистую воду капнули тушь. Е Хуай разочарованно моргнул.

В комнате вновь воцарилась тишина. Развернув костяной меч острием назад, Цзян Ту протянул рукоять юноше. Сначала Е Хуай растерялся, а затем оцепенел от изумления. Помня недавний приказ молчать, он замер на месте, не смея ни пошевелиться, ни проронить хоть слово, отчего его лицо залилось густым румянцем.

Глядя на то, как тот испуганно прячет ладони за спину, Цзян Ту невольно подумал:

«Во время схватки с лже-Буддой Тысячи Лепестков Лотоса он казался смышленным парнем, ловил каждое слово на лету. Почему же сейчас выглядит как забитый дурачок?»

— Возьми, — негромко произнес Цзян Ту. — Он послужит тебе защитой.

Е Хуай поспешно протянул дрожащие руки:

— Д-да... Спасибо вам...

Мечнику положено иметь твердую руку, но когда Е Хуай перехватил костяной меч, его пальцы задрожали мелкой дрожью. Холодное на вид лезвие, напоминавшее о ледящем душу впечатлении от встречи с Цзян Ту, в ладони казалось обжигающе горячим. Горло сдавило спазмом, а глаза предательски защипало. Мальчик поспешно опустил голову, боясь выказать слабость.

Острая грань клинка словно прочертила невидимую черту между его прошлым и настоящим. В этот миг «Сосуд для парного совершенствования номер один» — трусливое существо, знавшее лишь бегство, — навсегда перестал существовать.

Прежде свобода виделась ему недостижимой мечтой, далекой и призрачной, но теперь он понял: порой ее вес в точности равен весу боевого клинка.

Заметив раскрасневшийся нос подростка, Цзян Ту не стал смущать его расспросами. Позволив ему прийти в себя, он развернулся и направился к алтарю.

Роскошный прежде лотосовый трон теперь представлял собой жалкое зрелище: лепестки пожухли, а по тяжелому каменному основанию змеились трещины, уходящие глубоко под землю. При приближении Цзян Ту бутон судорожно сжался, пытаясь спрятаться, точно напуганный перепел.

— Выходи, — ледяным тоном скомандовал Цзян Ту.

Куда там! Лже-Будда Тысячи Лепестков Лотоса и помыслить об этом не смел. Годами он возвращал свое воплощение по подобию милосердной Тысячерукой Гуаньинь, но этот незванный гость безжалостно обрубил почти все его конечности, оставив невредимой лишь одну уродливую лапу. Судя по свирепому виду беловолосого чужака, тот жаждал разорвать его на мелкие клочки. Откуда на голову несчастных жителей деревни Множества Благословений свалился этот кошмарный каратель? Дух затрепетал от неодолимого желания бежать.

Его мощные корни проросли под каждым домом в округе. Как гласит мудрость, у хитрого зайца всегда найдутся запасные норы. Разрушение главного святилища — еще не конец, пока есть возможность уйти под землю. Тварь лихорадочно устремилась вниз, пробивая новые ходы. Бутон наполовину погрузился в каменную крошку.

— А-а-а-а-а!

Подземелье сотряс истошный, нечеловеческий вопль. Бутон забился в конвульсиях, словно его лепестки сдирали заживо. Из самого центра растрескавшегося трона, извиваясь, вырвалось темное, сочащееся скверной облако черного лотоса.

Тянувшиеся за ним отростки вспыхнули багровым светом, словно их окунули в расплавленный металл, и покрылись бурлящими пузырями. Оказалось, глубоко под деревней, в тех пластах земли, куда дух никогда не смел проникать, все пространство было пронизано чужой духовной силой. Стоило корням продвинуться на цунь глубже, как их нещадно разрывало на части. Лже-Будде Тысячи Лепестков Лотоса пришлось с мясом выдирать себя из земли.

Тварь даже не успела заметить, в какой момент ее собственная обитель превратилась в смертельную ловушку, подконтрольную этому человеку.

Цзян Ту бесстрастно поднял руку. Сгустившееся в его ладони сияние источало удушливый запах гари, точь-в-точь как от подземного пожара. Демон понял: это конец. Он погубил столько человеческих жизней, сожрал столько душ, чтобы достичь нынешнего могущества — и все зря? Инстинкт самосохранения взял верх над разумом. Обезумев от ужаса перед неминуемой гибелью, Будда Тысячи Лепестков Лотоса решил на крайний шаг.

Одним резким рывком он обрубил собственные корни.

Дыхание скверны вокруг него яростно вскипело, сгущаясь в плотное облако антрацитового дыма, и устремилось вверх, к выходу на поверхность.

— Спаситель, он убегает! — испуганно крикнул Е Хуай.

Скорость Будды Тысячи Лепестков Лотоса превосходила всякое воображение — черный силуэт растаял в воздухе прежде, чем юноша успел завершить фразу.

Е Хуай недоуменно оглянулся на своего покровителя. Лицо Цзян Ту потемнело от досады. Не утруждая себя объяснениями, почему он позволил твари уйти, он лишь коротко бросил:

— За ним.

Не задавая лишних вопросов, Е Хуай со всех ног бросился в погоню.

Оставшись один, Цзян Ту медленно поднял руку и стер с губ струйку темной крови.

Он прекрасно видел намерения лже-Будды. Однако в тот миг, когда он собирался сковать Будду Тысячи Лепестков Лотоса барьером, внизу живота вспыхнула дикая, раздирающая боль. К горлу мгновенно подкатил соленый ком. Если бы он упрямо продолжил черпать духовную энергию, то не смог бы сдержаться и выплюнул бы кровь прямо на глазах у мальчишки.

Внизу живота находилось золотое ядро — средоточие силы любого заклинателя. Но эта тупая, изнуряющая боль походила на последствия полнейшего истощения духовных каналов. Как такое могло произойти? Цзян Ту был уверен, что задействовал от силы две десятых от своего привычного потенциала. Хмурясь, он перевел взгляд на висевшую у пояса подвеску.

Нефритовый амулет, неразрывно связанный с этим телом, судя по всему, служил подтверждением статуса заклинателя. Цзян Ту не стал избавляться от него, хотя сейчас вещица казалась безжизненно-черной, словно впитавшей весь окрестный мрак. В памяти всплыл испуганный вопль того недотепы в желтых одеждах.

«Начальная ступень... Неужели этот мизерный запас духовной энергии — предел возможностей нынешнего тела?»

Ему претило ощущение беспомощности. Лицо его помрачнело, а в душе всколыхнулось глухое раздражение.

Тем временем наверху староста деревни пришел в себя от подземных толчков. Обезумев от страха, он бросился бежать и вскоре добрался до своего дома.

Рухнув на колени посреди комнаты, старик принялся лихорадочно перерывать свои вещи. На улице стояла лютая стужа, но с него катился град пота, а грудь вздымалась с натужным, сиплым хрипом.

Так ничего и не найдя, староста взвыл от ярости, поднялся на ноги и принялся пинать утварь:

— Куда она делась?! Я же своими руками положил ее сюда! Будь все проклято! Кто посмел ее

украсть?!

Вдруг его осенило: оставался еще один потайной угол. Но стоило ему сделать шаг, как из дверей донесся негромкий вопрос:

— Это ты ищешь?

Старик оцепенел. Медленно, со скрипом он повернул голову к выходу.

В полумраке дверного проема стояла хрупкая девчушка в легком домашнем платье. Лицо ее было бледным, словно у мертвеца, а под глазами залегли темные тени. Она молча буравила старосту тяжелым взглядом.

Сердце старика ушло в пятки. С трудом совладав с испугом, он разразился отборной бранью:

— Ван Паньди, дрянная девка! Да как ты...

Но тут до него дошел смысл ее слов, и он осекся:

— Погоди... Что ты сейчас сказала?

Ван Паньди медленно вытащила из-за пазухи бумажный листок, испещренный ритуальными знаками:

— Ты ведь это искал, верно?

Глаза старосты округлились от злости:

— Ах ты, воровка мелкая! А ну живо отдай!..

Но Паньди сделала уверенный шаг вперед:

— Сперва скажи, что это за мерзость. Иначе ты ее больше не увидишь.

Старик опешил. Только сейчас он разглядел, как сильно переменилась эта вечно запуганная девчонка. Прежде она никогда не смела поднять глаз, робко пряча взгляд от любого встречного. Но стоявшая перед ним сейчас сирота смотрела прямо, твердо и без тени страха. Этот ледяной, решительный взор принадлежал совсем не Паньди. Он смутно напоминал кое-кого другого.

— В тебя бес вселился?! — выкрикнул он, борясь с накатывающим ужасом. — Кто ты?! Паньди или... Чжаоди?!

Девочка лишь ожгла его презрительным взглядом.

Голос старосты гремел на весь дом, но теперь Паньди видела, какой он на самом деле — надтреснутый, сиплый, лишенный прежней силы. Обыкновенный старческий хрип. Как она могла годами дрожать перед этим жалким звуком? Эта дряхлая, разлагающаяся тварь больше не внушала ей благоговения.

Ван Паньди покачала головой:

— Мою сестру зовут не Чжаоди. Ее имя — Фуяо. «Взмает ввысь великий Пэн, оседлав попутный ветер... И умчится в небеса на десятки тысяч ли».

Строки древней поэмы, которые ее сестре так и не позволили договорить при жизни, наконец прозвучали целиком под ошеломленным взглядом старика.

Ван Паньди подняла бумажный листок и ухватила за его края обеими руками. На лице старосты отразился неподдельный ужас.

— Что ты задумала?! Не смей! Слышишь?! Я велю забить тебя палками!

— Позовешь людей? — переспросила Паньди и вдруг горько усмехнулась. — Неужели ты еще не понял, старик? Во всей деревне теперь остались только мы с тобой.

Староста задохнулся от немого крика. Девочка, не переставая улыбаться, резко развела руки в стороны. С громким треском талисман разорвался пополам. Обрывки полетели на грязный пол.

— Я сожгла их, Ван Афу! Слышишь?! Все эти проклятые бумажные человечки сгорели дотла! Я больше не боюсь тебя. Ни тебя, ни всю вашу поганую родню!

В миг, когда бумага лопнула, староста взвыл так, словно разорвали его плоть. Но услышав признание девчонки, он внезапно умолк, лишь хрипя и ловя ртом воздух:

— Сожгла... Но ведь это... это же были люди... Мужчины нашей деревни, продолжатели рода... А ты их... в огонь...

Для него эти куклы были живыми защитниками, опорой и гордостью деревни Множества Благословений! Лишившись последней надежды, старик рухнул на колени, а затем повалился на бок. Его тело заколотило в судорогах, и он принялся кататься по полу, точно раздавленный червь.

Паньди безжалостно смотрела на него сверху вниз:

— Моя матушка, моя сестра и все те девочки, которых вы замучили до смерти... Они тоже были людьми.

Ее слова прозвучали подобно громовому раскату, вынося приговор уходящему укладу.

Девочка отступила назад, собираясь покинуть этот проклятый дом. Но вдруг краем глаза она заметила стремительно приближающийся к ней сгусток черного тумана.

В ту же секунду чья-то сильная рука рванула ее в сторону. Паньди не удержалась на ногах и покатила по полу, а смертоносная скверна пронеслась в волоске от ее лица.

Из темноты выскочили две фигуры. Разглядев живых и невредимых Цзян Ту и Е Хуая, девочка едва успела вздохнуть с облегчением, как юноша отчаянно закричал:

— Сзади! Берегись!

Хруст. Хруст. Хруст.

Из-за спины донеслись жуткие, неестественные звуки ломающихся костей. Паньди обернулась и замерла от ужаса: извиваясь всем телом, точно гигантское паукообразное существо, староста на четвереньках стремительно настигал ее!

<http://bllate.org/book/19047/1934670>